

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ «НОВЫХ БЕДНЫХ»
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

специальность 22.00.03 – экономическая социология и демография

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва 2005

Работа выполнена в секторе экономической социологии отдела социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель:

кандидат социологических наук **С.С. Ярошенко**

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук **В.И. Ильин**

кандидат философских наук **Е.Д. Игитханян**

Ведущая организация: Сыктывкарский государственный университет, кафедра менеджмента (г. Сыктывкар)

Защита состоится « » _____ 2005 г. _____ час. На заседании диссертационного совета Д. 002.011.01 в Институте социологии Российской Академии наук по адресу: г. Москва, ул. Кржижановского 24/5, к.5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан 14 мая 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

Доктор социологических наук **В.В. Семенова**

2006-4
6370

2144040

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

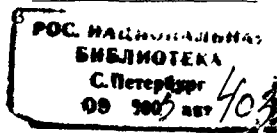
Актуальность темы исследования. 1990-е гг. в России отмечены глубоким экономическим кризисом. Он выразился в спаде производства, распространении системы административных отпусков, снижении реальной заработной платы и в задержках ее выплат, а также свертывании социального обеспечения по месту работы. Дестабилизация экономики и развал системы социальных гарантий вызвали ряд негативных социальных последствий, одним из которых стало распространение бедности и изменение ее структуры. По различным статистическим данным с началом экономических реформ за чертой бедности находится от 20 до 50 % населения¹, что в значительной мере превышает дореформенный период*. Изменился социальный состав. Если традиционно преобладают многодетные, одинокие семьи, инвалиды и пенсионеры, то в настоящее время - трудоспособное население². Последних принято называть «новыми бедными», подразумевая под ними различные социально-профессиональные группы, которые испытали в ходе экономических реформ нисходящую мобильность и имели доходы ниже официально установленного прожиточного минимума³.

¹ Кларк С. Бедность в России // ЭКО, 1998. – № 10 – С. 105-118.

* Впервые минимальный прожиточный уровень (граница бедности) был вычислен Госкомстатом СССР в 1988 г. и составил 78 руб., за чертой бедности оказалось 14 % населения, имевшего доход ниже прожиточного минимума².

² Денисов Н.А., Мальгинова Е.Г. Бедность в России // Проблемы социально-психологической адаптации населения в период трансформации общества: Материалы вторых Мильнеровских чтений (Москва, декабрь, 1998 г.) / Под ред. Э.Б. Гилянской, С.Н. Смирнов. – М.: ГУ ВШЭ, 1999. – С. 125.

³ Гордон Л. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал, 1994. – № 4. – С. 18-35; Ярошенко С.С. Бедные северного села трансформирующейся России // Экономическая социология. 2001. – Т. 2. – С. 37-47 // www.ecsoc.msses.ru.

Принимая во внимание резкое увеличение доли бедных среди работающих россиян, значительный научный и практический интерес представляет изучение содержательной стороны их экономического поведения и стратегий решения материальных проблем в качестве показателя, а также фактора направлений экономического развития страны.

Степень изученности проблемы. Проблематика экономического поведения населения активно разрабатывается за рубежом. Идеи классиков социологии, таких как К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Зиммель творчески развиваются в работах Г. Беккера, Ю. Эльстера, П. Вайзе, Г. Саймона, Я. Минсера, Т. Шульца, Х. Уайта, М. Грановеттера и многих других, инициировавших разнообразные аналитические подходы к изучению экономического поведения сегодня. Однако для российской науки эта тематика является относительно новым полем деятельности, получившим особую значимость в связи с переходом страны к рынку.

Поведенческие реакции населения в условиях кардинального изменения оснований общественного устройства в России рассматриваются в отечественных экономико-социологических работах по трем направлениям. Во-первых, через изучение особенностей социальной трансформации. Здесь можно привести в пример труды Т.И. Заславской, Ю.А. Левады, Р.В. Рывкиной, В.А. Ядова. Во-вторых, через анализ социальной адаптации представляют эту проблематику Е.С. Балабанова, Л.А. Беляева, Л.В. Корель. Наконец, в исследованиях собственно экономического поведения и разработкой теоретических подходов заняты В.В. Радаев, В.И. Верховин, Е. Мостовая, Н.В. Полякова, Н. Токарская. К этому направлению следует также отнести анализ поведения на рынке труда, выполненный Г.П. Бессокирной, А.Л. Темницким, В.И. Кабалиной, И.М. Козиной, А.Н. Деминым, Л.Е. Петровой и др.

Экономическое поведение населения в большинстве работ, за исключением некоторых теоретических, не выделяется в аналитическую категорию, а рассматривается через способы и результаты адаптации к рынку, как составной части процесса социальных изменений. Особо подчеркивается значимость социальных ресурсов, набор и объем которых определяет участие некоторых категорий населения в конструировании «новых правил игры». Ученые сходятся во мнении, что участие в этом процессе людей с ограниченными ресурсами сводится, как правило, к минимуму и ограничивается подчинением. Данное утверждение, на наш взгляд, не достаточно аргументировано и требует дополнительного изучения.

В данной работе мы стремимся на основе анализа эмпирического материала выработать наиболее оптимальный вектор социологических интерпретаций экономического поведения населения (на примере «новых бедных») и его роли в институциональных изменениях, вызванных радикальными экономическими реформами 1990-х гг.

Объект исследования – социальная группа «новых бедных» г. Сыктывкара из числа работников депрессивных промышленных предприятий и зарегистрированных бедных; г. Сыктывкар – административный центр Республики Коми (РК), расположенный на Северо-Западе Российской Федерации, типичный по характеристикам уровня жизни и показателям занятости для России в целом и РК, в частности.

Предмет исследования - *экономическое поведение* «новых бедных» в сфере занятости: его составляющие, особенности их взаимосвязи и реализации в форме стратегий.

Цель работы - охарактеризовать содержание, направления, факторы и формы поведения «новых бедных» на рынке труда в конкретный исторический период с 1994 по 2001 гг.,

характеризующийся наиболее острым экономическим кризисом, вызвавшим серьезные социальные последствия либерального рыночного реформирования.

Исходя из цели работы, поставлены следующие задачи исследования:

- 1) на основе собранного эмпирического материала и существующих теоретических подходов к анализу экономического поведения определить наиболее эффективный способ объяснения реакций населения в условиях социальной трансформации;
- 2) выявить составные части и специфику стратегий экономического поведения «новых бедных» в сфере занятости;
- 3) на примерах институтов рынка труда и домохозяйства показать взаимовлияние институциональной среды и экономического поведения «новых бедных»;
- 4) рассмотреть особенности проявления экономического поведения в различных институциональных средах;
- 5) определить типы стратегий экономического поведения и оценить перспективы их распространения в условиях социальной трансформации.

Информационная база. Для постановки проблемы и ее первоначального анализа использованы результаты исследования, выполненного в качественной традиции.

В рамках исследовательского проекта «Экономическая инволюция» осуществляемого под рук. М. Буравого (Калифорнийский университет, США) Были проведены глубинные интервью среди работников двух депрессивных промышленных предприятий г. Сыктывкара: мебельной и швейной фабрик. Эти предприятия первыми испытали экономический кризис, связанный с переходом страны к рынку. Исследование проводилось с 1994 по 2002 гг. и носило

лонгитюдный характер. Выборка респондентов мебельной фабрики была построена по спискам работников предприятия из числа уволенных и продолжающих работать. На швейной фабрике выборка формировалась методом «снежного кома». Всего было опрошено 72 респондента.

Для расширения представительства различных социально-профессиональных групп и повышения достоверности выводов эмпирическая база была существенно дополнена глубинными интервью с аналогичной по социальным характеристикам группой: респондентами трудоспособного возраста, которые обратились в органы социальной защиты и получили статус «нуждающихся». Интервью выполнены в ходе реализации проекта «Гендерные стратегии занятости в современной России» под рук. С. Ашвин (Лондонская школа экономики). Проект осуществлялся с 1998 по 2001 гг. и также носил лонгитюдный характер. Всего было опрошено 60 человек.

При отборе респондентов в обоих исследованиях важно было понять механизм формирования экономического поведения, его основные элементы и типы.

Теоретико-методологическая основа исследования. Основные элементы теоретической модели экономического поведения выделены на основе анализа эмпирического материала, которые в последствии были укоренены в существующие рамки институционального анализа.

Отталкиваясь от основных положений институционального подхода, сформулированных отечественными экономистами и социологами в совместной монографии «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)»⁸, мы выделил

⁸ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

и три наиболее значимых его принципа, применимых к социологическому исследованию. Во-первых, взаимосвязь макро- и микро- уровней. Во-вторых, баланс ресурсов различных групп населения и, соответственно, их различный вклад в институциональные изменения. В-третьих, рассмотрение социальных процессов сквозь призму институтов, их влияния на субъектное поведение и процессы трансформации. Данные принципы были положены в основу диссертационного исследования и развиты в представлении экономического поведения как связующего звена макро- и микро- уровневой реальности, в уточнении составляющих экономического действия и принципов их взаимодействия.

Изменения стратегий экономического поведения, с институциональной точки зрения, объясняются изменениями правил игры и выходом их за рамки советской институциональной матрицы, что привело к смещению привычных практик поведения на рынке труда и формированию новых. Действия институтов, с одной стороны, рассматриваются как ключевые факторы в объяснении и описании стратегий экономического поведения, с другой – как меняющиеся образования (социальные конструкты) в результате формирования и воздействий на них стратегий поведения в новых условиях жизнеобеспечения. Особое влияние на разработку авторского теоретического подхода к социологическому анализу экономического поведения оказали труды западных и отечественных экономистов и социологов: Д. Норта, Р.И. Капелюшникова, Р.М. Нуреева, М. Грановеттера, В.В. Радаева, Т.И. Заславской и В.А. Ядова.

Научная новизна состоит в раскрытии сущности экономического поведения «новых бедных» в сфере занятости в условиях кардинальных социальных изменений и заключается в следующем:

- предложена теоретическая модель экономического поведения населения, представляющая взаимосвязь трех основных элементов: ресурсов внешней среды, внутренних ресурсов и потребностей индивидов;
- через социальные институты домохозяйства и рынка труда рассматриваются взаимодействия внешних и внутренних ресурсов, определен ведущий элемент в формировании экономического поведения «новых бедных»;
- предложена типология стратегий поведения «новых бедных» в современных условиях и проведена их сравнительная оценка;
- выявлены особенности экономических стратегий поведения населения в советской и современной институциональной среде;

На защиту выносятся:

1. Теоретическое положение о трех взаимосвязанных детерминантах экономического поведения: внешних и внутренних ресурсах, потребностей индивидов.
2. Представление институционального влияния во взаимодействии внешней среды, внутренних ресурсов и потребностей индивидов. Институт представлен в качестве сквозной характеристики внешней среды и привычных форм поведения, входящих в состав внутренних ресурсов. В данной работе он преимущественно рассматривается как фактор внешней среды, определяющий экономическое поведение индивидов.
3. Тезис о том, что отсутствие продуманного государственного регулирования и эффективной социальной политики порождает защитную реакцию населения, которая сдерживает экономический рост и ведет к формированию институтов, блокирующих рыночные преобразования.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы при определении принципов государственной политики, учитывающей человеческий фактор в стратегии управления общественным хозяйством и ориентированной на преобразование институтов таким образом, чтобы усилить позиции бедных на рынке труда, а не консервировать бедность. Они так же могут быть использованы при подготовке лекционных и семинарских занятий по дисциплинам социально-экономического цикла.

Апробация работы. Основные положения докладывались на XIII Коми республиканской молодежно-научной конференции (Сыктывкар, 1997 г.), общероссийской конференции «Социальная политика: реалии XXI века» в (Москва, 22-23 апреля 2003 г.), а также на ежегодных научно-практических семинарах ИСИТО (Москва). Диссертационная работа выполнена в соответствии с планом научных исследований, проводимых Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. Основные положения и результаты исследования использованы при составлении финального отчета по теме НИР: «Экономическое поведение населения в условиях социальной трансформации».

Основные положения и результаты работы автора нашли отражение в 8 публикациях, общим объемом 6,7 п.л.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав и заключения. Текст работы изложен на 165 страницах, содержит 12 таблиц и 6 схем.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень изученности проблемы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования; рассматриваются теоретико-методологические основания, методы анализа и сбора эмпирического

материала, раскрывается научная новизна и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе *«Аналитические рамки исследования экономического поведения»* раскрываются теоретико-методологические основания диссертационного исследования. Особую важность для настоящей работы имеют теоретические подходы, разработанные в экономической и социологической науке. Подчеркивается, что в теоретических взглядах экономистов и социологов на объект исследования имеются как сходства, так и различия; избирательное сочетание элементов двух дисциплинарных перспектив дает возможность представить целостную картину экономического поведения в контексте социально-экономических формаций. Глава завершается описанием предложенной теоретической модели экономического поведения «новых бедных».

Большинство объяснений экономического поведения человека, как правило, существует в рамках двух традиций: экономической и социологической. Наиболее ярко дихотомия проявляется в способах описания человеческого поведения, оперирующих в одном случае больше понятием «рациональность», а в другом – «социальная норма». Отсюда выводятся разные модели человека: экономического и социологического, характеризующиеся сверхрациональностью и иррациональностью⁹. Если рациональный (экономический) человек не подвержен влиянию других деятелей, то иррациональный (социализированный) человек является частью группы и соотносит свое поведение с другими людьми.

Середина и конец XX века ознаменована поиском «синтетических» подходов, ориентированных на взаимосвязь экономических и социологических объяснений и преодоление главного недостатка

⁹ Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования, 2002. – № 7. – С.3-14.

экономической теории: автономности индивида в обществе¹⁰. Встречное движение экономистов и социологов обусловлено не только процессом изучения одного и того же объекта – «экономического действия», но и его свойствами. Его социальная укорененность особенно заметна во времена масштабных социальных перемен. В эти периоды трактовка экономического действия как сугубо рационального процесса проблематизируется, что актуализирует социологический анализ¹¹. Одним из наиболее продуктивных синтетических подходов разработан представителем «новой экономической социологии» М. Грановеттером в концепции «социальной укоренности экономического действия»¹².

В то же время внутри социологии развивались две методологические позиции в изучении общества: одна – с акцентом на общество, как на упорядоченную структуру, другая – на действующих индивидов. Первый можно назвать структурно-системным (бессубъектным), второй – субъектно-поведенческим (субъектным).

Обе проекции являются не столько противоборствующими, сколько взаимодополняющими, что и обуславливает поиск новых решений по их интеграции. В современной западной социологии

¹⁰ Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // Thesis, 1993. – Т.1. Вып. 3. – С. 115-130; Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis, 1993. – Т.1. Вып.3. – С 16-39; Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // Thesis, 1993. – Т.1. Вып.3. – С. 73-92; Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis, 1993. – Т.1. Вып. 1 – С 24-40

¹¹ Coleman J. Foundation of social theory. – Cambridge, MA: Harvard University press, 1990. Hechter, Michael. Principles of group solidarity. – Berkeley: University of California press, 1987.

¹² Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002. – Том 5. №2. – С.13-35.

примером такого соединения является теория структуризации и теория морфогенеза¹³.

В отечественной социологии интеграция двух классических парадигм успешно развивается в деятельностном подходе к анализу социальных явлений¹⁴. В рамках этого подхода субъект рассматривается через комплекс определенных ресурсов, который им используется для укрепления социального положения и обеспечения влияния в обществе. Рассматривая личность в качестве деятеля в контексте институциональных условий, исследователи, работающие в рамках данного подхода, обращают внимание на то, как эти условия сказываются на интересах индивида. Социально обусловленные интересы определяют практику, а совокупные действия социальных субъектов являются источником преобразования институциональных правил и социального развития общества в целом. Серьезным недостатком деятельностной парадигмы является игнорирование всего, что связано с пассивностью, который мешает адекватному пониманию механизмов самой активности и обосновывает необходимость поиска других объяснений экономического поведения в рамках взаимосвязи потребностей и ресурсов¹⁵. Тем не менее, именно методологические разработки деятельностного подхода легли в основу изучения

¹³ Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge, Polity, 1984; Buckley W. Sociology and modern systems theory. New Sersey: Prentice Hall, 1967.

¹⁴ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002, Ядов В. Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика, 1999. – № 3, 4 – С.313-315.

¹⁵ Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям ожидаемой им помощью // Психологический журнал, 1991 – № 6. – С. 40-54; Магун В.С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии, 1985. – № 2. – С. 118-126.

социального механизма трансформационного процесса, выполненного в русле институционального анализа¹⁶.

В отличие от исследователей, работающих в рамках деятельностного подхода, в центре которого находится «субъект», наш интерес состоит в изучении взаимовлияния макро- и микро- факторов в формировании поведения, с явной детерминантой внешней среды (институтов). Данное решение связано не столько с осмыслением теоретических положений, сколько продиктовано результатами этнографических интервью с целевой группой «новых бедных». Сбор эмпирического материала в 1994 г. совпал с первыми экономическими потрясениями на промышленных предприятиях. Именно они вызвали реакцию населения и обусловили осознание ими прошлого и настоящего их положения. Многим из них оказалось не под силу сохранить свое материальное положение и социальный статус, которые воспринимались в советское время как нечто постоянное и непреложное. Не потому что они «плохо» хотели или не хотели вовсе включиться в новую систему хозяйствования, а потому что, с одной стороны, возможности их были ограничены, с другой - их адаптации препятствовали нормы советского прошлого. Повседневная реальность вела не к развертыванию и накоплению внешних и внутренних ресурсов, а к их сворачиванию, что в свою очередь способствовало нисходящей мобильности большинства населения. В 1996 г., через два года после начала исследования были отмечены признаки деструктивного поведения и депрофессионализации среди респондентов. Спустя еще четыре года асоциальные реакции на экономические реформы и затяжной экономический кризис стали общественной проблемой. В то же время было замечено, что

¹⁶ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нурсева. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

немаловажную роль в формировании стратегий экономического поведения играют внутренние ресурсы и потребности индивидов, их способности не только противодействовать ограничениям внешней среды, но и инструментально их использовать.

Поскольку наши усилия направлены на преодоление ограничений сугубо структурного осмысления действительности, то модель экономического поведения выстроена через сопоставление институционального давления на индивидов и его социальной свободы в выборе использования доступных ему ресурсов для реализации потребностей.

Экономическое поведение различных слоев населения определено как совокупность действий в социальной и экономической сферах общества, предполагающих использование доступных внутренних ресурсов и возможностей внешней среды для удовлетворения потребностей.

Под *стратегией экономического поведения* понимается реализация осознанного решения, вытекающего из оценки имеющихся возможностей, предполагающего выбор наиболее оптимального варианта их использования и, как следствие, активизацию/свертывание ресурсов для удовлетворения потребностей в конкретной институциональной среде.

Взаимосвязь трех элементов (внешних ресурсов, внутренних ресурсов и потребностей) нашла отражение в графическом изображении системы координат трехмерного пространства, где оси ОХ соответствуют различным видам внутренних ресурсов, оси ОZ – потребностей, а оси ОУ – внешних ресурсов. Само экономическое поведение индивидов характеризуется точкой с координатами (х, у, z). Стратегия, как движение экономического поведения, предполагает перемещение точки в трехмерном пространстве и изменение

координат(ы), а также место в стратификационной структуре общества.

Условно (несмотря на бесконечность) каждая ось разделена на три части (см. схему 1). Ближайшие отрезки к началу системы координат $O(0,0,0)$ являются возможностями (внешние и внутренние ресурсы) и потребностями низкодоходных групп населения, следующие отрезки (более длинные) относятся к характеристикам средних слоев населения и, наконец, третий отрезок по каждой координатной оси – для обеспеченных слоев населения.

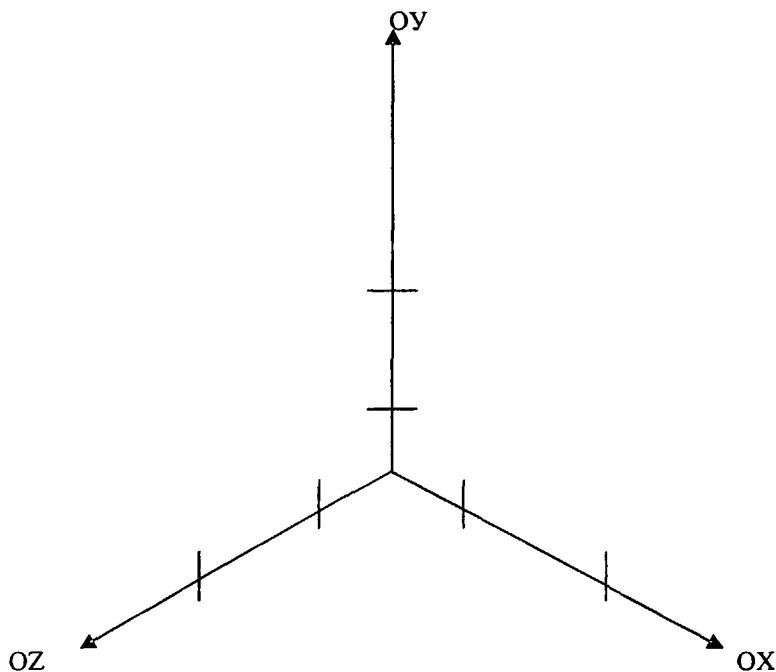

Схема 1. Теоретическая модель экономического поведения

Внешние ресурсы – это доступные блага, предоставляемые внешней средой. Возможности становятся ресурсами конкретной социальной группы только тогда, когда они осознаны и могут быть практически использованы в удовлетворении потребностей.

Потребности - внутренний побудитель активности, отражающий нужду в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности конкретной социальной группы.

Внутренние ресурсы индивидов предполагают набор определенных запасов знаний, ценностей, опыта, средств (будь-то материальных или социальных), которые могут быть задействованы в процессе трудовой деятельности.

Любой индивид, даже из числа социально-исключенных, включен в представленную систему координат. Он имеет свои внутренние ресурсы, потребности и возможности, предоставляемые внешней средой. Нет человека с нулевым набором ресурсов, отсутствием потребностей и полностью исключенного из системы общественного устройства. Для каждого социального слоя *существует* свой перечень вышеперечисленных элементов.

Вторая глава *«Институциональный контекст экономического действия»* посвящена описанию институционального контекста (внешних условий) экономического поведения, обуславливающих экономическое поведение индивидов. На примерах рынка труда и домохозяйства, как институциональных образований, показывается взаимодействие внешней среды, внутренних ресурсов и потребностей индивидов. Институт представлен в качестве сквозной характеристики внешней среды и привычных форм поведения, входящих в состав внутренних ресурсов. В данной работе он преимущественно рассматривается как фактор внешней среды, определяющий экономическое поведение индивидов.

Рынок труда, как сфера трудовой деятельности, и как социальный институт, определен набором формальных и неформальных «правил игры», регулирующих доступ к возможностям различных видов занятости/незанятости, а, следовательно, формирующих экономическое поведение.

Через анализ статистики освещены основные тенденции в становлении рынка труда как социального института, организующего и определяющего трудовые отношения между работодателями, посредниками и работниками. Действия этих агентов на рынке труда организуются набором формальных и неформальных правил, влияющих на характер использования возможностей, которые представляет внешняя среда. С одной стороны, анализ динамики занятости по секторам, отраслям и территориальным делениям позволяет рассмотреть внешние возможности, которые предоставляет рынок труда для экономически активного населения, с другой – требования, предъявляемые работникам.

На протяжении 1990-х гг. мы наблюдаем сокращение возможностей на рынке труда Республики Коми. Об этом косвенно свидетельствует убыточность практически половины предприятий республики, а также показатели уровня заработной платы, регулярности их выплат, сокращения рабочих мест и условий труда. Только их комбинация может отразить возможности, которые предоставляют предприятия той или иной отрасли. И все же наиболее важным является величина заработной платы. По уровню заработной платы только в электроэнергетике, топливной, нефтедобывающей, газовой и угольной промышленности, в геологоразведке, а так же в управлении и финансово-кредитных организациях в течение 1990-х гг. начисленная номинальная среднемесячная заработная плата работников устойчиво превышала среднюю оплату труда в Республике Коми. По самым грубым подсчетам, в наиболее высокооплачиваемых отраслях было занято всего около четверти работающих, примерно столько же 133,7 тыс. чел., или 27 % занятого населения, в 2000 г. было сосредоточено в низкооплачиваемых отраслях, где заработная плата

была на уровне и даже ниже величины прожиточного минимума¹⁷. Если учесть значительную внутриотраслевую дифференциацию в заработной плате (в зависимости от должностного статуса, вида собственности или позиции в технологической структуре предприятия – основное/вспомогательное производства), то число получателей высокой заработной платы резко сокращается и увеличивается доля низкооплачиваемых работников.

В силу низкой доли стабильно и хорошо оплачиваемых рабочих мест поведение работников на рынке труда носит пассивно-приспособительный характер, а мобильность ограничивается выбором между нерегулярными и высокими, либо низкими и стабильными заработками. Связующим звеном стал формирующийся институт найма на работу, где особое значение приобретают социальные сети. Благополучные предприятия чаще, чем предприятия, испытывающие финансовые затруднения, используют личные связи для найма новых работников, нередко в ущерб профессиональным качествам.

Падение доли заработной платы в доходе домохозяйств спровоцировало развитие неформальной деятельности на производстве и вне его, а, следовательно, – рост скрытых доходов, в особенности это касается безработных, работников государственных и малых частных предприятий¹⁸.

На основе данных официальной статистики через характеристики пола, возраста, образования и должностного статуса занятых определяются основные требования, предъявляемые рынком труда к работникам. В сложившейся ситуации наиболее высокую

¹⁷ Статистический ежегодник Республики Коми. – Сыктывкар: Госкомстат РК, 2002. – С. 56.

¹⁸ Экономическая безопасность Республики Коми (оценка и регулирование 2002-2003.) / Под ред. Лаженцева В.Н., Аكوпова В.И. – Сыктывкар, 2003. – Т.2. – С. 53.

вероятность быть занятым и получать достойную заработную плату имеют городские мужчины среднего возраста с высшим образованием, а наиболее низкую – сельские жители с низким уровнем образования. Так, место жительства, возраст, и образование становятся основными ресурсами благополучного трудоустройства. Очевидно также влияние затяжного экономического кризиса на формирование групп населения, которые характеризуются снижением экономической активности на рынке труда и ориентацией на государственные пособия.

Домохозяйство – социальный институт, занимающий срединное положение между внешней средой и индивидом. С одной стороны, домохозяйство опосредует и отражает социо-культурные представления о гендерном распределении обязанностей между членами семьи, где согласно устойчивым распространенным стереотипам обеспечивать семью должен мужчина, а вести домашнее хозяйство – женщина. С другой – оно влияет на использование имеющихся семейных ресурсов. Под влиянием внешних институциональных условий и «требований» к исполнению социальных ролей, складывается определенная специфика семейных отношений, которая определяет доступ к семейным ресурсам, активизирует или ограничивает внутренние ресурсы и потребности, формируя поведение индивидов¹⁹.

В семьях «новых бедных» дестабилизация внешних условий приводит к невозможности выполнять заданные роли, что, в свою очередь, ведет к проблемам в семейных отношениях и ограничению доступа к семейным ресурсам, «не справляющегося» со своими обязанностями члена семьи. В результате происходит активизация ресурсов одного члена семьи и свертывание ресурсов другого. В

¹⁹ Лыткина Т. К вопросу о гендерных особенностях экономической адаптации домохозяйств//Семья в ракурсе социального знания. / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во "Азбука", 2001. – С.247-270.

современных условиях при отсутствии «достойных» заработков, мужчинам приходится балансировать между проблемами дома и на производстве, испытывая на себе двойное давление и терпеть – двойное исключение²⁰. Сворачивание внутренних ресурсов мужчин и снижение потребностей в семьях «новых бедных» ведет к формированию среди них деструктивного поведения²¹

Таким образом, институциональная среда домохозяйства становится либо внутренним ресурсом, либо ограничением для его членов домохозяйства с особой гендерной идентичностью, которая непосредственно сформирована гендерным порядком. Несмотря на индивидуальную составляющую в ее формировании она, как внешний элемент, и домохозяйство, как ее проводник, играет определяющую роль.

В третьей главе *«Отражение институциональных перемен в стратегиях занятости «новых бедных»»* на основе эмпирического материала описываются два типа стратегий: достижительские (стратегии достижения) и защитные (стратегии защиты). Стратегии рассматриваются как осуществление адаптации к новым формам жизнеобеспечения в современной России. Доказывается, что отсутствие продуманного государственного регулирования и эффективной социальной политики порождает защитную реакцию населения, которая сдерживает экономический рост и ведет к формированию институтов, блокирующих рыночные преобразования. На основе анализа статистики (глава 2) и собранных интервью

²⁰ Лыткина Т. Распределение власти семьи как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж, 2001. – № 16-17. – С. 50-75; Ashwin S. Male social exclusion in contemporary Russia: Paper presented to the 5th ESA Conference – Helsinki, August-September, 2001 – P.12.

²¹ Лыткина Т. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социс, 2004. – № 9. – С. 85-90.

предлагаются к рассмотрению модели экономического поведения в различных институциональных матрицах: советской и постсоветской.

Характеристиками *достижительского* поведения являются действия, направленные на повышение материального достатка за счет концентрации (специализации) одного из наиболее востребованного внешней средой внутреннего ресурса индивида. В то время как *защитные* стратегии направлены на поддержание привычного образа жизни, что означает диверсификацию или свертывание (консервацию) ресурсов и потребностей. При жесткой внешней детерминанте возможна нисходящая мобильность, в том числе социальное исключение. Если первая стратегия является перспективной, стимулирующей устойчивое экономическое развитие страны, то вторая, при дальнейшем ее распространении, может привести к затяжному социальному кризису.

В настоящее время для изучаемой категории населения больше свойственны защитные стратегии, которые предполагают не активизацию внутренних ресурсов, а в лучшем случае их диверсификацию или, в худшем, – свертывание. Это неизбежно приводит к депривационным практикам решения проблем в «неформальном» институциональном поле, что провоцирует «уход» в примитивную экономику, а также последующее сужение/свертывание ресурсов и, соответственно, потребностей, определяя трансформационный путь экономического развития не в сторону рыночных преобразований, а замыкания общества в самом себе²².

На каждом временном отрезке стратегии экономического поведения предполагают специфический набор ресурсов, а что не менее важно, – особый характер их взаимодействия с потребностями

²² Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // На пути к рыночной экономике: региональная практика социального развития. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003. – С. 13-54.

Особенностью институциональной матрицы эпохи государственного социализма является жесткая распределительная система, основанная на положении человека в системе производства²³. Внешняя среда советского времени ограничила возможности выбора занятости и использования внутренних ресурсов. Она не смогла обусловить активизацию профессиональных ресурсов, а, напротив способствовала развитию личностных характеристик, лишенных индивидуальных проявлений (коллективизм, зависимость и др.). Дефицитарная система распределения удерживала низкий уровень потребностей, что также не способствовало развитию (раскрытию) человеческого потенциала.

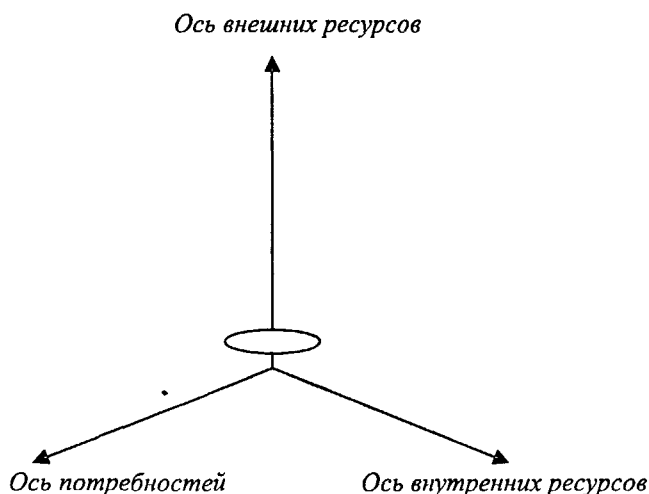

Схема 2. Советская модель экономического поведения

Согласно представленной схеме 2, для разновидностей экономического поведения остается достаточно узкое пространство. Доминанта внешней среды нашла отражение в соответствующих стратегиях экономического поведения: свертывании внутренних ресурсов и ограничении

²³ Комозин А.Н. Трудовая карьера с позиций жизненного цикла // Социс, 1990. – № 10. – С. 3-11.

потребностей. Это неизбежно вело к истощению ресурсов системы, а в последствии к их разбалансированности: когда предлагаемые системой возможности самообеспечения оказались недостаточными для реализации потребностей и приложения внутренних ресурсов. Советская система истощалась гораздо быстрее, растрачивая рычаги стимулирования и контроля внешних ресурсов, чем ограничивались ресурсы и потребности населения.

С началом экономических реформ советская институциональная матрица претерпела серьезную трансформацию, что обусловило формирование новых стратегий поведения. В ней сохраняется высокая значимость влияния внешней среды для «новых бедных», тогда как для незначительного числа состоятельных граждан она не является столь определяющей. При этом, по сравнению с советским временем, у всех категорий населения наблюдается рост потребностей и внутренних ресурсов. Но у «новых бедных» он значительно ниже, чем у элитных групп населения.

ось внешних возможностей

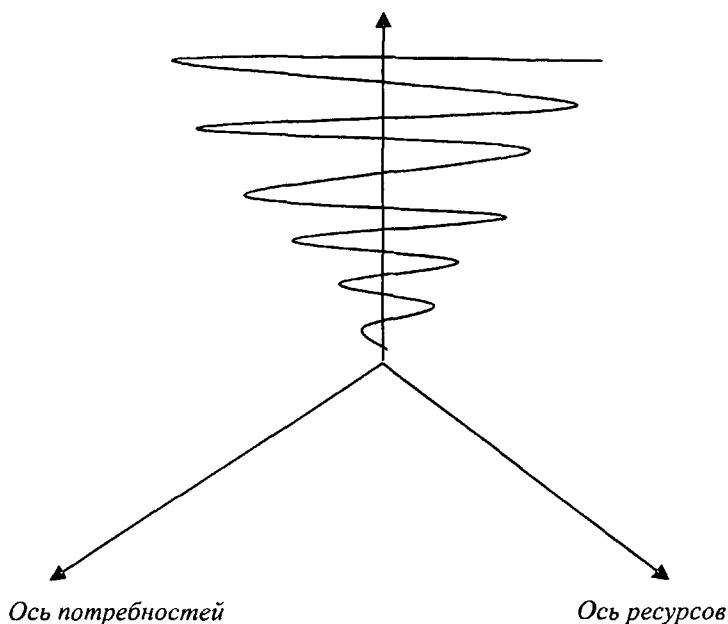

Схема 3. Постсоветская модель экономического поведения

В результате постсоветская модель взаимодействия трех элементов подобна воронке. Основная масса населения сконцентрирована у самого основания. Она имеет низкий уровень потребностей, внешних и внутренних ресурсов и практически не имеет шансов вырваться из замкнутого круга ограничений²⁴.

Идеальный тип институциональной матрицы формирует стратегии экономического поведения, где преобладает высокий уровень внутренних ресурсов и потребностей. Влияние среды направляет и стимулирует развитие внутренних ресурсов, а также потребностей населения независимо от его социальной принадлежности. Вектор взаимодействия повышается над точкой пересечения осей ресурсов и потребностей. Одним из вариантов подобного типа благосостояния является пример Швеции. Однако не следует думать, что данный тип является результатом спонтанного экономического развития, либо результатом рациональной инициативы «снизу». Он есть результат продуманной долгосрочной программы развития, где экономика страны тесно увязана с интересами всего населения, а не отдельных групп. При этом обязательным условием является удовлетворение социального минимума при минимальной (не жесткой) зависимости от внешней среды, что свойственно обществам с высоким уровнем благосостояния²⁵.

В заключении сформулированы теоретические выводы и практические рекомендации.

²⁴ Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Ростовцев П.С. Роль мобильности по доходам в изменении неравенства в распределении доходов – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2001

²⁵ Esping-Andersen C. The three worlds of welfare capitalism. Oxford: Polity Press, 1990.

Список публикаций по теме диссертации:

1. Лыткина Т. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социс, 2004. – № 9. С.85-90. – 0,8 п.л.
2. Лыткина Т. К вопросу о гендерных особенностях экономической адаптации домохозяйств // Семья в ракурсе социального знания / Под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Азбука, 2001. – С. 247-270. – 1,1 п.л.
3. Лыткина Т. Распределение власти семьи как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж, 2001. – № 16-17. – С. 50-75. – 1,1 п.л.
4. Лыткина Т. Экономическая адаптация домохозяйств в условиях социальной и гендерной трансформации // На пути к рыночной экономике: социальная практики регионального развития / Под ред. В.Н. Лаженцева. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003. – С. 162-197. – 1,2 п.л.
5. Лыткина Т. Роль экономического поведения в институциональных изменениях // Социс. (в печати) 1 п.л.
6. Ashwin S , Lytkina T. Men crisis in Russia: The role of domestic marginalization // Gender & society: London. 2004. – P. 186-206. – 1,2 п.л. (авторских 0,6 п.л.).
7. Burawoy M , Krotov P and Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City // Bonnell, Victoria and Breslauer, George (eds.) Russia in the New Century. – Boulder: Westview Press, 2000. – P. 231-257. – 1,8 п.л. (авторских 0,6 п.л.).

8. Burawoy M, Krotov P and Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // *Ethnography* 1(1), 2001. – P. 43-65. – 1,8 п.л. (авторских 0,6).

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'M. Krotov' followed by a horizontal line.

№ 1 0 0 5 7

РНБ Русский фонд

2006-4

6370

Тираж 120

Заказ № 2

Издательство Коми научного центра УрО РАН